

**НА «ПЕРЕСВЕТЕ»
в 1903 году.**

Об ушедшем уходящий

1. БЫТ И ЛЮДИ

Около Рождества 1902 года я неожиданно был переведен с крейсера «Забияка» на эскадренный броненосец «Пересвет» младшим судовым врачом. Говорили, что «Пересвет» скоро пойдет в интересное плавание. Несмотря на это, мне было жаль покидать кают-компанию «Забияки», с которой, за полгода моего плавания, я тесно сблизился.

« На память о плавании на Забияки в 1902 году
дорогому Леониду Леонтьевичу Иванову. Кефели »

Авралы

На «Пересвете» не проходило дня без массовых учений по тревоге или по сигналу, в которых, как известно, принимает участие весь экипаж, до единого человека. Действия эти назывались авралами.

Беспрерывно следовало одно за другим: то «боевая тревога», то «человек за бортом», то шлюпочное учение, то парусные гонки, то десант, то ночное отражение минной атаки, то подводка пластыря под воображаемую пробоину, стрельба из башенных орудий, контргалсовая стрельба днем и ночью со щитом на буксирах встречных кораблей, а то просто «всех наверх, с якоря сниматься» или «караул наверх, офицеры и команда во фронт», идет катер с адмиралом.

Никто себе не принадлежал и каждую минуту надо было ждать, что раздастся сигнал и придется спешить или бежать либо наверх, на шканцы, становиться во фронт, либо на свое место по авралу.

Все эти учения были для меня новостью. Плавание на «Забияке», корабле устаревшем и служившем яхтой Наместнику, было совершенно иного характера. С боевой стороной флота я познакомился только на «Пересвете».

Боевая тревога

Хотя сигналы и мотивы утренних и вечерних зорь, исполнявшиеся горнистом и барабанщиком, были мне уже хорошо знакомы к тому времени, однако первая боевая тревога на броненосце произвела на меня впечатление.

«Тра-та-та-та,

Тра-та-та-тра-та-та-та».

Звон колоколов громкого боя, долго не прекращавшийся, топот бегущей команды над головой моей каюты, суетливая беготня по коридорам офицеров, моих соседей по каюте, командные крики и суета вестовых, задраивающих в офицерских каютах иллюминаторы по-боевому, появление в коридорах между каютами трюмных матросов, которые спешно принимаются за какие-то невидимые до сих пор механизмы, прокладка пожарных шлангов, опробование помп, все это не могло не поразить новичка, молодого человека, еще не вышедшего из возраста петушиного задора. Мое место по боевому расписанию было в боевой операционной.

Меня поражала серьезность на лицах всего персонала, начиная от командира судна до последнего кока, когда вдруг, среди полного спокойствия, неожиданно раздавался резкий тревожный звук красивого сигнала, по мелодии своей точно отражавшего крайнюю спешность и тотчас же за ним страшный звон электрических колоколов, долго не умолкавших.

Все исполняли команды бегом, перепрыгивая через все препятствия, засовывая на ходу руки в рукава.

Не проходило минуты – все были уже на местах. Чехлы с орудий сняты, башни ворочаются, ожидая прицела и объекта.

Вдруг новый сигнал горниста :

«Тра-та, та-та́»

(открыть огонь).

Дается якобы залп из башни, открываются затворы орудий, вытаскиваются ранее вставленные фальшивые снаряды, подкатываются по потолочным рельсам новые снаряды, которые непрерывной вереницей подаются из глубоко лежащих бомбовых погребов, вагонетка за вагонеткой.

Задраиваются наглухо особыми зажимами стальные двери, и корабль разделен на ряд небольших не сообщающихся частей – иначе, как с верхней или карапасной (броневой горизонтали) палубы. Все это - на случай пробойны, чтобы до максимума сохранить плавучесть судна в бою.

Проворство, смышленность и большие технические знания матросов удивляли меня. Каждая команда тотчас повторялась тем, к кому она относилась, и через секунду уже исполнялась.

- Право руля!- бросит отрывисто спокойно офицер.

- Есть, «право руля»,- быстро и деловито отвечает рулевой, и руль уже вертится, а нос судна начинает катиться в сторону.

Так на всех службах по всему кораблю, от клотика мачты, до глубоких трюмов, от гюйса (флаг на носу) до кормового Андреевского флага – знамени корабля.

Трюмный механик в самой глубине судна производит какие-то манипуляции затапливанием одних секторов и откачиванием других между непроницаемыми переборками различных отсеков корабля. В каждом трюме свой трюмный квартирмейстер производит свои маневры.

На верхнем мостике почти никого не видно - все перешли в бронированную боевую рубку.

К завтраку боевое учение кончается. Опять труба – отбой:

«Гра-та, тара-та-га!»

Убрались, помылись и идем завтракать.

Почему была проиграна война с Японией?

Ясно, что мы не сидели сложа руки. Почему война с Японией была проиграна? Что касается флота и 1-ой Тихоокеанской эскадры, то на основании того, что я видел, что читал и что слышал в течение 10 лет в Морском Министерстве, с 1907 по 1917 год, могу сказать следующее.

Во флоте не было боевой мысли – современной морской технике и флотскому оружию.

Мореходная часть была прекрасна.

Техническая сторона судостроения, артиллерии, минной части, машинной части и портовых служб вполне удовлетворительна.

Снабжение – также.

О личном составе должен сказать, что лучше всех были готовы матросы, квартирмейстеры и молодые офицеры-специалисты, из специальных классов, своего рода практических военно-технических академий, хуже, но удовлетворительны были командиры судов. Очень слабы были адмиралы.

Как люди долга - они были на высоте, как техники - терпимы, но как военначальники - очень слабы. Они не умели использовать рационально ту силу и ту технику, которой располагали.

Однако они имеют оправдание : у японцев дело было немногим лучше нашего. Наш промах с минной атакой в ночь на 27 января поразил в сердце не только материальную часть, но и пришиб дух, а удача японцев – их окрылила.

Если бы во главе флота после первой неудачи были поставлены выдвинувшиеся молодые силы (Эссен), дело, может быть, еще можно было наладить.

Вообще, в мирное время нельзя сказать, годен ли человек для войны. Война рождает не только героев, но и военначальников.

Надо быть чутким к голосу войны.

Наша кают-компания

Я не познакомил ещё моих читателей (будут ли они?) с моими соплавателями.

Командиром у нас был капитан 1-го ранга Василий Арсеньевич Бойсман, видимо из шведов; брат его, тоже флотский офицер, капитан 2-го ранга, был флигель-адъютантом, приезжал в Порт-Артур и был гостем нашей кают-компанияи.

На «Пересвете» держал свой флаг младший флагман эскадры, контр-адмирал князь Ухтомский, носивший почему-то обидную кличку «махровый». При нём флаг-офицером был молодой лейтенант, очень симпатичный, фамилию его забыл. Он всегда бывал у нас в кают-компанияи. С адмиралом ему было скучно.

Всего в кают-компанияи было 25 офицеров, в их числе механики, врачи и священник – иеромонах отец Вениамин.

В нашей кают-компанияи состояли в качестве гостей и участников ещё два флагманских специалиста: доктор эскадры Александр Александрович Бунге, маленький, скромный немец, племянник бывшего министра финансов, дерптский студент, которого все любили, и флагманский обер-аудитор.

Будущие адмиралы

Среди офицеров кают-компания – моих соплавателей, укажу тех, которые впоследствии выдвинулись и стали адмиралами: старший минный офицер, лейтенант Кротков, лейтенант Остелецкий; на днях умерший в Париже, лейтенант М.М. Римский-Корсаков – потом профессор Морской Академии, лейтенант Старк, сын адмирала Старка, нашего начальника эскадры. Кажется, это он играл заметную роль во время революции во Владивостоке.

Народности и религии

По фамилиям в кают-компания были представлены народности всей России и даже Европы : великороссы, немцы, малороссы, поляк (Вонлярлярский), французы (Жерве, Де-Ливрон, Де-Фабр), шведы (Старк, Бойсман), эстонец (Эйсмонт), я (Кефели) – караим, тюркской народности, Франк, кучерявый брюнет неопределенной народности , вероятно еврей и т.д.

По религии большинство были православные и много лютеран. У нас на корабле был лишь один офицер католик. Среди офицеров на всей эскадре не христиан было только два : я и лейтенант Ислямов - магометанин.

Среди матросов на «Пересвете» было десятка два-три магометан, сибирских и казанских татар. С ними я иногда кое-как болтал по-татарски, что им очень нравилось.

Некоторые соплаватели

Некоторые из моих соплавателей оставили о себе память в моей голове.

Мой ближайший сосед по каюте, мичман Салтанов, очень симпатичный молодой человек, скромный и сердечный, был убит на «Пересвете» в бою 28 июля у Шантунга.

Мичман Петя Воробьев, маленький, шупленький, с торчащими зубами. Петр – не было его имя, но его прозвали «Петей» как маленького петушка. Командовал он детским баском. По боевому расписанию место его было на балконе передней мачты. По началу корабль меня интересовал: я часто подымался на верхний балкончик мачты. Петя охотно посвящал меня в военно-морское искусство. Над Петей хотя и подсмеивались, как над «недоноском», но уважали его. Во время осады он оправдал это уважение. На батарее № 2 в Порт-Артуре он командовал несколькими морскими орудиями, снятыми с эскадренного броненосца «Ретвизан». Во время одного из генеральных штурмов (кажется, октябрьского) «Петя» был тяжело ранен и лежал на земле возле своего орудия. В это время японцы ворвались на батарею. Петя приподнялся на локте, скомандовал своим матросам:

« В штыки!»

Закричали : « Ура!». Японцев выбили.

Недавно я слышал, что он был ротным командиром в Морском корпусе в Севастополе. Достойное назначение.

Лейтенант Василий Нилович Черкасов, младший артиллерийский офицер, красивый молодой человек лет двадцати пяти, походил скорее на нежную барышню, был, однако, хорошим офицером. После войны он тоже вошел в число реформаторов

флота и был одним из числа первых офицеров нового Морского Генерального штаба, наряду с Колчаком, Бубновым, князем Ливеном и другими.

Наш старший артиллерист, окончивший артиллерийскую академию, считался большим ученым, всегда работал в своей каюте, мало бывал в кают-компании. Казалось, что в случае войны – это будущий герой. Когда началась война, он оказался неспособным к военному делу.

Скажу ещё об одном отрицательном лице. Лейтенант ... был командиром одной из четырех рот на броненосце. По-видимому, из-за слухов о денежных беспорядках у него, командир судна передал роту мичману Салтанову. При сдаче денежных сумм, оказалась растрата в 5 тысяч рублей из денег, присылаемых матросам из дому. Чтобы не подымать скандала, кают-компания решила покрыть дефицит из жалования офицеров. Все мы платили по 100 рублей в месяц. Провинившегося списали в Россию и суду не предали; но, когда он уезжал с корабля, стоявшего в это время на внешнем рейде, и поздно вечером ждал катера на берег, кают-компания была почти пуста.

Мой старший врач

Старший судовой врач, Ипполит Васильевич Ромашев, человек добрый и очень скромный, любил иногда попетушиться и тогда краснел, как вареный рак. Коренастый, маленький блондин с русой бородкой, в эти моменты он отнюдь не казался грозным и страшным, а выглядел застенчивой девушкой.

У меня с моим первым прямым медицинским начальником отношения были хорошие. Таковыми они остались и после совместного плавания.

В последующей службе я опередил его в должности Ипполита Васильевича.

Как врач, Ромашев не был силен, ибо много плавал. Плавание – могила медицинским знаниям. Кто смолоду проплавал лет пять подряд навсегда переставал быть врачом.

Н.В.Ромашев, по выбору кают-компаний, заведовал нашим столом, прекрасно нас кормил и в праздники дарил ещё по серебряному подстаканнику с надписью «от кают-компаний» в память о совместном плавании.

Наш флагманский доктор

Бунге Александр Александрович, флагманский доктор Тихоокеанской эскадры (не врач, а доктор - это старинный термин в русском флоте) прибыл из России на эскадру после моего приезда, на смену действительному статскому советнику Губареву.

Старые моряки все знали друг друга, Бунге был известен, как полярный исследователь, также как и лейтенант Колчак, с которым, при всякой их встрече, они находили, что рассказать друг другу о Ледовитом океане, о Нансене, Макарове. Я часто был свидетелем этих бесед.

Благодаря тому, что Бунге жил на «Пересвете» и столовался в нашей кают-компании, он сидел по церемониалу справа от старшего офицера первым, он хорошо меня знал, часто по вечерам играл со мной в хальму и шашки.

Игра в карты и игры на деньги строго воспрещались на кораблях, как для офицеров, так и для команды.

Когда началась война, и флот стал спешиваться, мне пришлось войти в близкий контакт с Александром Александровичем, этим милейшим и добрейшим человеком, не

обладавшим, однако, ни медицинским искусством, ни административным талантом, хотя он был образован и в некоторых вопросах очень начитан.

Это был чистейший немец, с акцентом и с некоторым затруднением говоривший по-русски. Он очень ценил мои, если можно так выразиться, боевые медицинские взгляды и сам всегда приходил ко мне узнать мое мнение.

«Комите д'эпюрасьон»¹

Во время войны 1904 года, после отъезда Наместника на север, с ним уехал из моей квартиры и мой гость-сожителъ – дипломат Николай Сергеевич Мулюкин, я пригласил на его место своего сослуживца – морского врача Николаенко (брата товарища министра финансов), человека редкой начитанности и образования, знавшего языки, но крайне мрачного и молчаливого. Он иногда по три дня подряд не произносил ни одного слова и не отвечал на вопросы.

А.А.Бунге почти ежедневно по утрам заходил к нам, иногда так рано, что мы были ещё в постели.

Причиной этих визитов сначала было деликатное дело. Некоторые офицеры и врачи, с неудачным началом войны, впали в болезненную нервозность и страх. Не выносили звука выстрелов бомбардировок гавани и даже боялись садиться в шлюпку. Иногда бывало, что такого полубезумевшего нельзя было вытащить из каюты. Мало того, что они были не годны для дела, но они были опасны для остальных, сея панику и страх. Решено было сплавить их как можно скорее в Россию.

Чтобы сделать это без шума, Александр Александрович меня и Николаенко назначил членами той врачебной комиссии, под его председательством, которой была поручена эта задача.

Эти больные офицеры приглашались ко мне на квартиру и, в случае решения комиссии о нервно-душевной болезни исследуемого, мы прямо отсюда направляли его на вокзал.

Мы отправили так человек двадцать, временно или навсегда оказавшихся непригодными для войны.

Начальство - мама

Впоследствии Александр Александрович почти каждое свое служебное начинание обсуждал со мною. А я был одним из самых младших врачей на эскадре – мне было всего 27 лет.

Мрачный Николаенко как-то мне сострил :

«Александр Александрович идет за приказаниями к Вам. Вы хорошенько его проберите!»

Александр Александрович подсаживался на край моей кровати и дружески, как ласковая мама, излагал мне свои планы.

Бунге все на корабле любили, как Божью коровку.

Блиндаж трёх статских советников

---

¹ комитет чистки (ред.)